

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Н. БЕРНШТАМ, Очерк истории гуннов, Л., 1951, 256 стр., тираж 3000 экз., цена 15 руб.

Книга А. Н. Бернштама посвящена одному из важнейших исторических явлений. История гуннского племенного союза со времени его создания в III в. до н. э. непосредственно связана с историей Центральной Азии и Китая. Гуны во многом способствовали падению рабовладельческого строя в Китае, разложение которого наметилось уже к I в. до н. э. Восстания «краснобровых» и «желтых повязок» смогли нанести решающий удар и уничтожить рабовладельческую империю Хань лишь с помощью гуннского напора извне. Окончательный удар гуннов и сяньби в IV в. положил конец застойному кризису рабовладения в Китае. С падением государства Цзинь рабовладение сменяется феодализмом, Китай вступает на новую ступень своего исторического развития.

Но значение истории гуннов не ограничивается только событиями на Востоке. «Великое переселение народов», начало которому положили гуны, проникновение их сначала в Среднюю Азию, а затем в Европу явилось одним из факторов, ускоривших падение рабовладельческого Рима на Западе. И здесь внутренний кризис привел к поражению рабовладельческой системы только благодаря напору «варваров», которые «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (И. В. Сталин). Известную роль в этих событиях сыграл гуннский племенной союз.

Вместе с тем история формирования ряда народов, большая часть которых живет сейчас на территории нашей страны, история их языков и культуры не могут быть воссозданы вне связи с историей гуннов. Это прежде всего относится к сложению и распространению языков тюркской системы и этногенезу тюркоязычных народов Сибири, Центральной и Средней Азии, Поволжья и Кавказа.

Несмотря на значительную литературу, посвященную гуннам, далеко не все вопросы, связанные с их историей, получили в науке правильное разрешение. Буржуазная наука была бессильна решить основные вопросы истории гуннов: связь восточных и западных гуннов, причины и характер их движения на запад, их социально-экономический строй и их роль в общеисторическом процессе.

Книга А. Н. Бернштама является первой попыткой в советской исторической литературе дать общий очерк истории восточных и западных гуннов и разрешить важнейшие проблемы их истории. Необходимость работы такого рода давно назрела, и поэтому рецензируемая работа будет, несомненно, встречена советскими историками с большим интересом.

Книга состоит из двух частей: I — «История восточных гуннов» и II — «История западных гуннов». Книге предпосланы предисловия от редакции и от автора, а также авторское введение. Как указывает автор, он «считал необходимым дать прежде всего основную характеристику проблемы роли гуннов в социально-экономической и политической истории, а также в этногенезе народов Азии и Европы с точки зрения марксистско-ленинской исторической науки» (стр. 3—4). Ввиду сложности этих проблем редакция призывает к творческой дискуссии по этим вопросам (стр. 2).

Автор начинает рассмотрение экономики гуннов с выявления двух основных ли-

ний общественного развития племен Северного Китая и выделяет, с одной стороны, собственно китайскую земледельческую культуру, появившуюся еще в неолите, и, с другой — культуру скотоводов Ордоса. Обе эти культуры развивались параллельно и находились в тесном культурном взаимодействии. Постепенно, к эпохе Чжоу, это развитие приводит к становлению кочевнического быта северных племен, которые приходят в столкновение с чжоуским Китаем и обособляются от него. Автор анализирует главные племена кочевников, среди которых господствующую роль начинают играть жуны. Жуны, против набегов которых Циньский Китай (IV в. до н. э.) начинает строительство Великой китайской стены, связываются автором с гуннами, появившимися под наименованием сюнну, или хунну в III в. до н. э. Опираясь на данные китайских летописей и археологические материалы из раскопок гуннских поселений и погребальных сооружений (в особенности, из раскопанных экспедицией П. К. Козлова в Монголии, в горах Ноин-ула, гуннских курганов), автор приходит к следующему выводу: «В экономической области гуннское общество при преобладании скотоводческого хозяйства, явившегося главным видом производства, знало охоту как подсобное занятие» (стр. 53). Характеризуя социальный строй гуннских племен, автор приходит к выводу, что «гунны искусственно сохраняют родовой строй» (стр. 54), что у гуннов «система рабства была патриархальной, первобытной» (стр. 53) и что «у гуннов не было еще государства» (стр. 55).

Отметим утверждение А. Н. Бернштама, опиравшегося, правда, не на собственный анализ, а на выводы других авторов, «что единого гуннского языка не существовало. Гунны говорили на различных языках и диалектах, из которых позднее развились тюркские и, быть может, монгольские языки» (стр. 55).

Далее, опираясь на китайские источники, главным образом на «Исторические записки» (Шицзи) Сыма Цяня и «Историю старшей династии Хань» (Цянь хань шу) Баньгу, автор описывает раннюю историю гуннов и их возышение при шаньюе Модэ. Этот период характеризуется широкой экспансией гуннов: нападениями на Китай, разгромом юэчжей на западе, покорением усуней Семиречья, гяньгуней по Енисею и т. д. Здесь же автор дает новое толкование легенде об Огуз-кагане, отождествляет Модэ с Огуз-каганом и подробно развивает это в своем третьем приложении к книге (стр. 224 сл.). В 55 г. до н. э. произошел раскол гуннов на орды — южную (во главе с Хуханье Ушаньем) и северную (во главе с Чжичжи щаньем). Анализ взаимоотношений обеих орд с рабовладельческим Китаем эпохи Хань позволил автору подчеркнуть, что «социально-экономический строй кочевников был в большей степени первобытно-общинным (на этом этапе разложения), чем классовым» (стр. 78). Поход северных гуннов, во главе с Чжичжи, на запад привел их к вторжению в Среднюю Азию, где они были разбиты в 36 г. китайскими войсками, а сам Чжичжи убит. С 55 г. до н. э., с раскола гуннов и продвижения части их в Среднюю Азию, и начинается, по автору, «великое переселение народов» (стр. 80). Южные гунны, оставшиеся в Центральной Азии, постепенно подпадают под китайское господство.

Далее А. Н. Бернштам описывает усиление северных гуннов и затем значительное их ослабление в связи с нападением сяньби в середине II в. Однако гунны под именем «юебань» продолжают жить в Семиречье до V в. н. э. В подтверждение гуннского движения на запад, вызванного вторичным расколом гуннов и частичным их вытеснением племенами сяньби и тоба (стр. 113), привлекаются археологические материалы из Казахстана и Нижней Волги. Указывая, что «путь гуннов лежал не южнее Сыр-Дарьи» (стр. 112) и далее по Сыр-Дарье к аланам, автор вместе с тем включает в свою классификацию катакомбы Ташкентского оазиса, не указывая все же, каким образом попадают туда гунны, так же как не объясняет самые северные памятники, обнаруженные на Караганде и у озера Боровое, относимые им к гуннской культуре. Не доказана и ничем не аргументирована идентичность «чубаньских» памятников «погребениям поздних кыргызов Енисея» (стр. 113).

Наиболее важным выводом является положение, что «Гуннский „барьер“ обеспечил за Семиречьем и Тянь-шанем тюркский этногенез и одновременно был сильным источником тюркизации восточноиранских племен Средней Азии» (стр. 116).

Автор, возвращаясь далее к социальнно-экономическому строю гуннов, правильно полемизирует с С. П. Толстовым, определявшим гунское общество как рабовладельческое (стр. 129), и с рядом других исследователей, утверждавших, что гуны имели феодальный строй (стр. 130). Автор отмечает наличие рабовладельческого уклада у гуннов и делает вывод, что «это было общество переходного типа, стоящее на грани крушения первобытно-общинного строя и мучительного созревания классового» (стр. 130).

Высоко оценивая роль гуннов в истории народов Центральной и Средней Азии, А. Н. Бернштам вместе с тем считает, что на культуру гуннов оказывали сильнейшее влияние более высокие культуры Китая и земледельческих народов Средней Азии. При этом он останавливается и на отношениях сако-усуньских племен с гуннами.

Вторая часть книги, посвященная истории западных гуннов, связанных непосредственно с историей европейских народов и государств, начинается с рассмотрения вопроса о происхождении западногуннского племенного союза.

Анализ древнейших упоминаний о гунах в западных письменных источниках приводит А. Н. Бернштама к заключению, что образование гуннского племенного союза на юге Восточной Европы было в основном автохтонным процессом, в котором главную роль играли местные кочевые племена, а восточные гуны лишь ускорили этот процесс и дали имя новому объединению. Это место книги во многом сохраняет прежние построения автора времени его марровских упражнений.

Восточные черты гуннов были в значительной мере утрачены еще в приаральских степях в результате смешения с аланами и создания «этнокультурных близостей» (стр. 149). На политических событиях в Восточной Европе, связанных с гуннами и их вождями — Ульдом, Ругилой и Атилой, автор останавливается очень кратко.

Неоправданно мало внимания уделяется в книге Каталаувской битве (названной почему-то Каталунской). Неудача гуннов объяснена тем, что «племена Западной Европы в это время были более сильны своим социальным строем, чем гуны, находившиеся уже на стадии сложения классового общества» (стр. 162). Вместе с тем отмечается, что гуны стояли по социальному строю и культуре «несравненно выше многих европейских племен» (стр. 162), что в гунском обществе имелись уже предпосылки феодальных порядков (стр. 163), наконец, что именно гуннский союз мобилизовал всю варварскую периферию против рабовладельческих центров Средиземноморья и Причерноморья (там же). Во всем этом многое противоречивого и неверного.

Распад державы Атилы, как показывает автор, стал концом самостоятельного существования гуннского племенного союза. Разгром гуннского союза вызвал подъем новых местных племенных образований, «омоложение» варварской периферии. Крупнейшим объединением, возникшим на развалинах гуннского союза, был аварский племенной союз.

Автор указывает, что «аварский каганат, независимо от того, в каком количестве входили в него пришельцы, продолжил историю местных племенных образований на новом этапе варварского полугосударства» (стр. 178). Стержнем этого нового объединения автор как будто считает вархонитов: «можно предполагать, — пишет он, — что вархониты были этнически связаны с родом „авар“ (абар, ауар), быть может, древним гунским родом, объединившим, подобно более древним гуннам, кочевые племена причерноморских степей. Вархониты — продолжение аттиловского рода; псевдоавары и авары суть те племена, которые объединились вокруг этого рода» (стр. 180 сл.). Но на стр. 171 он и самих вархонитов называет «псевдоаварами». Таким образом, вопрос о конкретной основе аварского каганата автором не решен.

Здесь нельзя было ограничиваться указанием на то, что авары не были органически связаны ни с болгарами, ни со славянами. Известно, что авары сыграли резко отрицательную роль в ранней истории славян, роль, которая очень мало вяжется с приведенной выше формулой, согласно которой аварский каганат продолжал историю местных племенных образований на новом этапе.

Большое внимание удалено в книге истории гуннов-эфталитов, сыгравших значительную роль в истории Средней Азии и Ирана. Автор сопоставляет гунино-эфталитский разгром сасанидского Ирана в V в., этот, по его мнению, последний удар по

рабовладельческому Ирану, с напором «варваров» на Китай и Римскую империю. Все это, по мнению А. Н. Бернштама, способствовало переходу к феодальным отношениям в Средней Азии. В этом смысле эфталитский период является прогрессивным этапом.

В конце книги автор очень кратко останавливается на памятниках материальной культуры гуннов, указав некоторые характерные категории вещей. К сожалению, ни погребальный обряд, ни типичный для гуннов комплекс не охарактеризованы в достаточной степени; автор не приводит ни одного конкретного комплекса. Несколько более полно представлена материальная культура аварского периода, хотя и здесь автор ограничивается лишь общей характеристикой инвентаря. Аварское искусство считается новой ступенью в развитии «варварского» искусства; отмечается известная последовательность развития от гуннского прошлого при общей разнохарактерности стиля аварского искусства. В целом эта глава (XV) является одной из наименее удачных, материал рассмотрен крайне поверхностно и неконкретно.

Одной из основных проблем, возникающих в связи с историей гуннов, является проблема этногенеза тюркоязычных племен и народов, и поэтому А. Н. Бернштам поступает правильно, уделяя этому вопросу большое внимание, неоднократно возвращаясь к нему на протяжении всей книги. Но как же решается эта проблема? Какие факты кладет автор в основу своих построений? К сожалению, у читателя не может сложиться цельного представления и ничего, кроме законного недоумения, после прочтения книги, не остается. Это вызвано не только спорностью вопроса, но и самой методикой его решения.

В самом деле, вопросы тюркского этногенеза изложены в книге крайне путанно. Больше того, автор часто впадает в непреодолимые противоречия: не аргументировав одного положения, он перебрасывается к противоположному, столь же бездоказательному. Одна гипотеза сменяет другую, не подтверждаясь фактами. Обратимся к тексту.

В первую очередь бросается в глаза, что А. Н. Бернштам не исследует проблемы происхождения тюркоязычной общности, тюркоязычных народов и в этой же связи — вопроса о языке гуннов. На наш взгляд, этот вопрос следовало изучить более развернуто, с приведением фактического материала. С одной стороны, автор, отсылая читателя к работам ряда буржуазных ученых, на анализ которых он опирается, пишет: «...единого гуннского языка не существовало. Гунны говорили на различных языках и диалектах, из которых позднее развились тюркские и, быть может, монгольские языки» (стр. 55) (разрядка наша.—Л. К. и Н. М.). С другой стороны, на стр. 9 утверждается, что «...в восточногунском племенном союзе происходил процесс дальнейшего формирования тюркских языков» (разрядка наша.—Л. К. и Н. М.). С одной стороны, на стр. 55 автор пишет, что «в период владычества гуннского племенного союза складывались тюркские, возможно, и монгольские племена». С другой стороны, на стр. 197 гунны объявляются только «прототюрками».

Выясняется, что еще до прихода гуннов в Средней Азии «обитали тюркоязычные племена (например, в Семиречье, на Тянь-шане, правобережье Сыр-Дарьи), издавна связанные с земледелием» (стр. 56). Однако, вопреки самому себе, на стр. 113 автор пишет, что «гуннские племена Тянь-шана были этнической подпочвой (?) — Л. К. и Н. М.) для образования особой тюркоязычной группы местных племен». Кого же имел в виду автор рецензируемого очерка в первом случае? Это видно только лишь из примечания 2 на стр. 89: «Мы полагаем, что сильное тюркское ядро было среди амургийских саков, возможно, и среди саков тиграхауда». На каком основании выдвинуто предположение, что саки, которых советские ученые до сих пор считают ираноязычными, имели «сильное тюркское ядро», — об этом не говорится ни слова. Между тем такие вопросы невозможно решать беглым указанием в примечании, не приводя никаких фактов, никакой развернутой аргументации. Единственным косвенным аргументом в этом случае является, очевидно, то обстоятельство, что, по мнению А. Н. Бернштама, саки-хаумаварга (амургийские) жили в Семиречье и на Тянь-шане. Однако схема расселения сакских племен, предложенная автором в главе V, не является общепринятым мнением советских историков и значительно отличается, например, от схем

К. В. Тревер, С. П. Толстова¹. Она безусловно спорна и сама нуждается в обосновании, следовательно, не может служить доказательством тюркоязычности части саков.

Устанавливая «преемственность саки-амюргии—усуни—западные тюрки» (стр. 89, прим. 8), автор снова впадает в противоречие с самим собой, когда на стр. 105 указывает, что «усуни были „отюрчены“ гуннами». В то же время выясняется, что усуни связываются автором по происхождению не с амюргийскими саками, а с исседонами (стр. 98—100), по поводу местоположения которых нет установившегося мнения, как пишет и сам автор, приводя мнения Хермана (исседоны—приуральские племена) и мнение Хенинга и Юнге (исседоны—южносибирские и приалтайские племена).

Приведя эти разноречивые мнения, автор делает ни на чем не основанный вывод: «Из изложенного следует, что исседоны являются племенами восточной части Средней Азии» (стр. 99). Однако из изложенного ничего подобного не следует. Наоборот, если основываться на мнении Хенинга и Юнге, которое, согласно указанию автора, «вернее», исседоны никак не могли жить в Средней Азии.

Из всего этого, далее, при помощи марровской эквилибристики с этнонимами, делается почему-то вывод о тождестве «усунь-исседонов», которых автор поселяет «на рубеже Южной Сибири и Семиречья» (стр. 100). На этой же территории он размещает племена динлин (стр. 109).

Здесь же следует отметить, что автор неверно употребляет такого рода термины, как, например, на стр. 215: «орхено-енисейское общество VI—VIII вв.», или когда он пишет на стр. 55: «Формирование же тюркского народа надо отнести к более позднему периоду — к VI—VII вв. н. э.». Никакого «орхено-енисейского общества» в VI—VIII вв. не было. Существовали конкретные народы: кыргызы на Енисее и тюрки-тугю на Орхоне. Каждый из них имел свое конкретное общество и свое государство. Никогда также, не существовало и единого тюркского народа, который, по Бернштаму, формируется к VI—VII вв. Все это свидетельствует о скатывании в болото пантюркизма. Между тем автору давно указывалось на недопустимость этих построений.

Неожиданно оказываются в Семиречье и племена угров, которые связываются автором с племенами ухун-уге — древними уйгурами (стр. 112 сл.). Здесь также все неясно, ибо племя уге автор помещал и на Иртыше. С другой стороны, уйгуры и в древности были тюрками по языку, а не уграми. Уйголов автор, с одной стороны, считает ухун-уге, т. е. уграми, с другой стороны, это — сами гунны, ибо уйгурским, по мнению автора, оказывается один из основных гуннских родов Хуянь, из которого происходил шаньюй Модэ (стр. 230 сл.). Имеется в книге и третья гипотеза: на стр. 61 происхождение древних уйголов связывается с одним из северокитайских племен, а именно с ди.

Вторым основным вопросом, на котором мы считаем необходимым остановиться, является вопрос о происхождении западногуннского союза и о связи западных гуннов с восточными. Вопрос этот, интересовавший еще древних авторов, не был по сути дела разрешен до сих пор. Буржуазные историки были, как уже упоминалось, бессильны разрешить его; поэтому понятно то внимание, которое уделил ему А. Н. Бернштам, посвятивший происхождению западных гуннов две главы своей книги.

Перечисление и краткий анализ первых упоминаний племен с именем «гунн» в пределах Восточной Европы послужили основанием для следующего вывода: «...можно предполагать, что образование союза кочевников, известного под именем гуннов, в дальнейшем аваров (для Азии гунно-эфталитов), объединение их на юге Восточной Европы было процессом автохтонным, в котором возникновение местного объединения кочевых племен сочеталось с нашествием кочевников гуннов с Востока, причем нашествие с Востока не положило начала гуннскому периоду на Западе, а лишь ускорило процесс образования племенных союзов Восточной Европы, и восточные гунны дали имя этому новому племенному объединению» (стр. 137). Какие же источники позволяют говорить об автохтонности гуннов? Дионисий, автор II в. н. э.,

¹ Ср. «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 47, и С. П. Толстой, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 243 сл.

упоминает гуннов как современников и соседей скифов. Но самый термин «скиф» в это время уже давно утратил истинное свое содержание и применялся по отношению к сармато-аланским, протославянским и другим племенам; впоследствии он применялся к самим гуннам, славянам, болгарам. Традицией, а не истинным положением вещей порождено сопоставление гуннов с неврами (Филосторгий, IV в.) и царскими скифами (Приск Панийский, V в.). Сведения Аммиана Марцеллина (IV в.), Амвросия (IV в.), Пруденция (IV—V в.), Евсевия и Иеронима (IV—V вв.) и Клавдия Клавдиана (IV—V вв.) относятся ко времени, когда гуннские орды уже пришли из Азии, поэтому их сообщения о том, что гунны живут «за Меотийскими болотами», «на крайнем востоке Скифии» и пр., ни в коей мере не доказывают автохтонности гуннов. И уже совсем сомнительным доказательством автохтонности гуннов является переданная Иорданом легенда об их происхождении от ведьм, изгнанных из среды готов, и нечистых духов. Вместе с тем А. Н. Бернштам, приводя сообщение Аммиана Марцеллина, не придал должного внимания его указанию на то, что «род гуннов... мало знают древние памятники»; приводя сообщение Зосима, А. Н. Бернштам акцентирует лишь первую его часть (сравнение с местными племенами, в котором сомневался сам Зосим), между тем во второй части приведенного известия Зосим явно склоняется к возможности прихода гуннов из Азии.

Все это делает приведенное выше определение процесса создания в Восточной Европе гуннского племенного союза крайне нечетким. История конкретных племен исчезает и превращается лишь в фактор, ускоривший процесс образования местных союзов, неизвестно по какой причине принявших наименование гуннов. Автор говорит о сочетании местного объединения с азиатским нашествием, однако конкретные формы этого сочетания им не выяснены. Конечно, местные племена и союзы племен сыграли значительную роль в истории гуннов, и автор правильно делает, когда, в противоположность буржуазным ученым, уделяет этим племенам значительное внимание. Но ведь в гуннском союзе была конкретная основа, определившая характерные черты его, отличавшие гуннский союз от аланского, готского и др. Вне этой основы говорить о гуннах мы не можем, а роль ее была неизмеримо больше, чем простое ускорение процессов образования местных племенных союзов. Этой основой явились племена, пришедшие из Азии и, как указывает Аммиан Марцеллин, мало известные древним авторам.

Автор придает особое значение племенам Поволжья и Приуралья, не входившим в аланский и готский союзы и явившимся, по его мнению, средой, из которой «составилась значительная часть „автохтонов“ восточноевропейских гуннов». Между тем именно с сарматскими племенами Поволжья и Приуралья ряд исследователей связывает образование аланского союза (К. Ф. Смирнов), а действительно гуннские памятники, открытые И. В. Синицыным, резко выделяются из числа памятников автохтонов Поволжья. Автор как будто признает массовое вторжение гуннов из Азии в IV в., но указывает, что «не оно определило возникновение гуннского образования на Западе». Правильно призываая к осторожности в использовании антропологических данных при решении вопроса о происхождении западных гуннов, А. Н. Бернштам дает весьма сомнительное объяснение антропологического различия между гуннами и аланами. Причины этого различия он видит в различных условиях кочевого быта.

Все это крайне затушевывает роль самих гуннов в гуннской истории. Между тем именно азиатские гунны явились основной господствующей силой гуннского племенного объединения. Они частично разбили, частично присоединили к себе многочисленные местные племена Средней Азии и Восточной Европы, но все же не эти племена являлись основой союза, не их имели в виду античные авторы, подчеркивавшие монголоидность гуннов. Основой оставались сами гунны, вряд ли утратившие свои восточные элементы в результате смешения с аланами в Приуральских степях и сложения «этнокультурных близостей». Между тем автор, описывая разгром Шилэ сяньбийским ломом Муюн в 352 г., заключает: «Историческая роль гуннов на этом и была закончена» (стр. 125). Таким образом, западные гунны оказались за пределами истории.

Путаница в решении вопроса о связи западных гуннов с восточными привела к

противоречиям и в социальной характеристике гуннского общества. В 352 г. историческая роль гуннов была закончена, по мнению автора, в силу того, что они порвали со своим варварским прошлым (стр. 125). Но на стр. 137 А. Н. Бернштам пишет о мас совом нашествии из Азии в 371 г., т. е. явно имеет в виду те самые племена, историческая роль которых, по его же мнению, закончилась в 352 г. и которые успели порвать там со своим «варварским» прошлым. Характеризуя социальный строй этих племен в Европе, автор указывает: «На данном этапе (т. е. в 371 г.—Л. К. и Н. М.) гунны представляли раннюю ступень формирования варварских отношений» (стр. 142). Либо история западных гуннов оторвана от истории гуннов восточных, либо их разрывает автор книги, который начинает историю западных гуннов с первой ступени, забыв о ступенях, пройденных ими на востоке.

Между тем само движение гуннов из Средней Азии в Восточную Европу связано прежде всего с особенностями их социально-экономического развития, не раскрытыми в книге. Основной причиной переселения и грабительских войн гуннов явился рост социальных противоречий внутри их общества, возможность известной разрядки которых гуннская верхушка видела в завоевательных походах. Именно к такому состоянию общества приложимы слова Энгельса: «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом¹. Все это не соответствует той «ранней ступени формирования варварских отношений», на которой, по мнению А. Н. Бернштама, находились гунны в момент их появления в Восточной Европе. Лишь дальнейшие завоевания гуннов в эпоху Аттилы объясняются автором указанными причинами, которые сами, согласно его концепции, явились порождением социальной эволюции гуннов уже в европейский период их истории (стр. 160).

Неверна точка зрения автора на материалы из известного Оглахтинского могильника Хакассии (стр. 44—47). Нельзя согласиться ни с интерпретацией их, ни с датировкой А. Н. Бернштама. С одной стороны, этот могильник привлекается автором как гуннский для выяснения хозяйства гуннов (стр. 44). Гунским же он объявляется и в заключении книги, на стр. 213. С другой стороны, автор на стр. 47 утверждает, что «Оглахтинский могильник является памятником проникновения сяньбийцев на север во II в. н. э.». У читателя может остаться только недоумение по этому поводу. Если это могильник сяньби, то не к чему было опираться на его материалы для выяснения всей специфики хозяйства гуннов. Вывод А. Н. Бернштама о принадлежности Оглахтинского могильника сяньби делается лишь на том основании, что в Оглахтах были найдены погребенные мужчины и женщины с хорошо сохранившимися косами. Автор на стр. 45 в связи с этим заявляет: «Этот весьма яркий (?—Л. К. и Н. М.) своеобразный прием ношения волос появляется на территории Центральной Азии лишь в определенное время и связан с одним только народом, а именно сяньбийцами». При этом он ссылается на китайские источники, которые уже для позднего времени (III в. н. э.) называют племя тоба «поколением сяньбийских косоплетёв».

Но разве этого достаточно, чтобы объявить, что сяньби первые в Центральной Азии ввели ношение кос? Нам кажется, что нет. Во-первых, косы найдены везде в памятниках таштыкской эпохи, там, где они могли сохраниться, а не только в Оглахтинском могильнике. Они найдены в таштыкских склепах Уйбатского, Сырского и Изыхского чаа-тасов, многие из которых гораздо древнее погребений горы Оглахты. Косы найдены также и в бесспорно гуннских курганах Ноин-улы, о чем пишет и сам автор на стр. 46, правда, заявляя, что косы здесь могли являться «приношением со стороны подчиненных» гуннам сяньби. Косы найдены также в другом гуннском могильнике, а именно в Дэрестуйском, о чем автор также пишет на стр 50 сл., хотя здесь он уже не оправдывает их появление сяньбийскими «приношениями». И, наконец, косы найдены в Пазырыкских курганах Алтая, которые, надеемся, никак нельзя отнести к первым векам нашей эры. Далее, на стр. 60, сам же автор, говоря о ближайших

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1950, стр. 170.

предках гуннов, о племенах жун и ди, приводит данные Вэйлио, где о них сказано: «Все плетут свои волосы в косы».

Все эти факты скорее свидетельствуют о том, что ношение кос у народов Центральной Азии и Южной Сибири возникло задолго до появления племен сяньби и тоба. И если китайские источники не упоминают, что гунны носили косы, то из этого еще ничего не следует. Археологам не раз уже приходилось исправлять данные китайских историков, которые не всегда были точно осведомлены об этнографических особенностях описываемых ими племен или же умалчивали о них. Так, например, общеизвестно сообщение Тан-шу о том, что тюрок-тугю сжигают своих покойников. Между тем археологи установили, что для древних тюрок характерно как раз трупоположение, а не трупосожжение, которое характерно только для кыргыз Енисея. Такие погребения раскопаны на Алтае, в Монголии, и их же изучал в Семиречье сам А. Н. Бернштам. Можно было бы привести и еще ряд фактов, но достаточно и этого.

В неудобное положение попадает А. Н. Бернштам, продолжая на стр. 71—74 полемику по поводу датировки древнекитайского дома, раскопанного близ Абакана. Датировка этого дома Ханьской эпохой признана не только советскими археологами, но и целым рядом виднейших китайских ученых. Не зная расположения находок при раскопках этого здания, не изучив имеющихся планов и профилей, по меньшей мере легкомысленно было писать: «Находки гуннской и таштыкской культуры мы считаем стратиграфически подстилающими руины, а не перекрывающими» (стр. 73). В данном случае ни одна из находок не сделана под полом здания, твердым плотным глиnobитным полом, но всегда на полу. Часть таштыкской керамики найдена подле обнаруженной в здании печи и даже внутри ее. Притом печь, как и все другие находки, найденные разбросанными по полу, была обнаружена в том состоянии, в каком оставили это здание его обитатели. «Стратиграфически подстилающими руины» не могут считаться два обнаруженные при раскопках погребения таштыкской эпохи (с ними найдена типично таштыкская керамика), которые были впущены позднее в холм, покрывший руины здания после того, как его крыша рухнула. Притом одна из ям этих впускных погребений перерезала стену здания. Один из нас (Л. Р. Кызласов) принимал непосредственное участие в раскопках этого здания. Единственным упреком исследователям древнекитайского здания близ г. Абакана может быть только то, что до сих пор не опубликованы все материалы и чертежи целиком.

Не может быть принята формула А. Н. Бернштама об «объективно-исторически прогрессивном» характере гуннских завоеваний. С этим можно согласиться, когда речь идет о крушении рабовладельческой системы в Китае и, в меньшей степени, Римской империи. Но следует учитывать совершенно иную роль этих завоеваний по отношению к народам Средней Азии и прежде всего Восточной Европы, историческому развитию которых гуннским нашествием был нанесен неисчислимый вред. Классическое определение этой стороны истории гуннов дал И. В. Сталин в докладе, посвященном 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1943 г. «Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения»¹.

Игнорирование этого указания корифея советской науки является грубейшей ошибкой А. Н. Бернштама. Искажением исторической истины представляется его утверждение о том, что гунны «стояли несравненно выше многих европейских племен и по своему социальному строю и по своей культуре» (стр. 162), что они явились «освободителями» славянских племен (там же) и т. п.

Автор книги уделил незаслуженно мало внимания знаменитой Каталаунской битве, не вскрыл истинного ее значения. А между тем именно эта битва явилась показателем отношения народов Европы к гуннам, ибо Аттила вынужден был отступить не перед

¹ И. В. С т а л и н, О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1949, стр. 120.

Римской империей, а перед народами Европы, теми самыми народами, «освободителями» и чуть ли не просветителями которых были, согласно концепции А. Н. Бернштама, гунны.

В войсках Аэзия против гуннов сражались, помимо римлян и визиготов, арморикане, саксы, савойские бургунды, рипуарские франки. Таков был ответ народов Европы на гуннское нашествие, такова была своеобразная и достаточно конкретная оценка ими роли гуннов¹.

Все это в значительной мере обесценивает книгу, приводит к тому, что, несмотря на наличие большого и важного приведенного материала, несмотря на ряд интересных положений автора, книга не может удовлетворить советского читателя.

В книге А. Н. Бернштама еще весьма чувствительны влияния «теорий» Н. Я. Марра, пропагандистом которых долгое время выступал автор. Марровские установки автора в его прежних работах ни разу не подвергались самокритическому анализу со стороны А. Н. Бернштама. Не сделал он этого и в рецензируемой книге, продолжая отсылать читателя к своим прежним ошибочным работам, в которых содержатся сомнительные «обоснования» положений, выдвигаемых в рецензируемой книге. Отсутствие такого анализа привело к повторению и углублению ошибок: к путанице в вопросах этногенеза, к «автохтонности» западных гуннов, к созданию «этнокультурных близостей», к аморфным образованиям, подменявшим конкретные племена и народности.

Остается сделать ряд замечаний по поводу мелких погрешностей книги. Так, например, на стр. 80 берется под сомнение сообщение китайцев о захвате страны Усунь Модэ-шаньюем; на стр. 97 автор сомневается в точности сведений Сыма Цяня, «приписавшего» Модэ победу над усунями, а на стр. 108 сам автор утвердительно пишет об этой победе.

На стр. 110, приведя данные Шицзи о походе северных гуннов в Семиречье, автор пишет, что «по дороге они перешли р. Ганьвэй (Енисей)». Между тем в тексте Шицзи, приведенном автором здесь же, сказано: «правая колonna... обогнула Небесные горы (т. е. Тянь-шань.—Л. К. и Н. М.) и переправилась через р. Ганьвэй на юг». Таким образом, либо река Ганьвэй совсем не Енисей, либо гунны сначала обогнули Тянь-шаньские горы и заплыли в Семиречье, а затем оттуда пошли на Енисей, чтобы снова вернуться в Семиречье. Очевидно, Енисей здесь не может быть отождествлен с рекой Ганьвэй, тем более что в китайских текстах он всегда называется просто Гянь. Погребения на р. Табажек (Алтай), раскопанные В. В. Радловым, датируются VIII—IX вв. н. э. и не могут, следовательно, относиться к гуннскому периоду (стр. 52).

Нельзя не отметить излишней перегрузки книги ссылками на второстепенных и даже третьестепенных иностранных авторов, в особенности на переводчиков китайских хроник (см. стр. 59—63). Все это делается в результате недооценки работ русских авторов, в частности прекрасных и лучших в мировой литературе переводов Н. Я. Бичурина.

Наша историческая общественность вправе ждать от А. Н. Бернштама пересмотра ряда основных его теоретических положений, вправе ждать от него создания истории гуннов, соответствующей основным требованиям современной марксистско-ленинской исторической науки.

Л. Р. Кызыласов и Н. Я. Мерперт

¹ Значительные неточности допущены автором и при упоминании фактов, связанных с Каталаунской битвой. Непонятно, на каком основании он делит кампанию 451 г. на два гуннских наступления. Как известно, гунны были разбиты римским полководцем Аэзием и вестготским королем Теодориком. Между тем, у А. Н. Бернштама фигурирует на стр. 168 Аэзий, а на стр. 161 одно лицо Аэзий Теодорик. Город Труа, возле которого произошла битва, расположен на р. Сене, а не на Марне, как указано в книге (стр. 161).